

радость ♥ жизни

Ната Хаммер

Шанс на счастье

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X18

Редактор серии *Антонина Самофалова*

Художественное оформление серии *Екатерины Петровой*

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Lana Sham, Lavandaart, GoodStudio, Mohha_stock / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Хаммер, Ната.

X18 **Шанс на счастье / Ната Хаммер.** — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-163435-3

«А без меня, а без меня тут ничего бы не стояло, и солнце б утром не вставало, когда бы не было меня», — усвоила Аля Соколова еще в юности и пронесла эту уверенность через всю жизнь. Строгая и бескомпромиссная, Алевтина Сергеевна причиняет добро детям и внукам и ведет непримиримую войну с вороватым дачным соседом. И когда выясняется, что для победы героине не хватает компьютера и навыков работы с ним, она, не задумываясь, бросается на ликвидацию своей компьютерной безграмотности и становится продвинутым пользователем. Жидкокристаллический экран открывает героине доступ в дивный новый мир.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-163435-3

© Хаммер Н., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Недолюбленным детям
Великой Отечественной
посвящается*

Глава 1

Алевтина Сергеевна падала камнем вниз. Летела и на лету пыталась оправить юбку, чтобы никто не мог увидеть ее исподнего. Она услышала гомерический хохот: это потешались над ней столкнувшие ее члены правления. Еще секунда — удар о мостовую неизбежен.

Алевтина Сергеевна вздрогнула всем телом, проснулась и вскочила с кровати. Сердце бешено колотилось, язык был сухим и шершавым, как наждачная бумага, а тело покрылось испариной. За окном мансарды поднималось неспешное сентябрьское солнце, а над мусорными контейнерами, приткнутыми снаружи к забору ее участка, омерзительно каркая, кружило воронье.

Алевтина Сергеевна схватила с прикроватной тумбочки стакан с водой. Ее руки мелко дрожали, а зубы выбивали дробь. Вода потекла по подбородку. Поставила стакан, утерлась, торопливо натянула махровый халат и нырнула под кровать. Вытащила из пыльного укрытия куль связанных шпагатом пожелтевших простыней, распеленала и извлекла из кожаного чехла мужнину «мурку»¹. Наскоро протерев стволы и пропихнув шомполом от казны к дулу лоскут, оторванный от старой фланелевой рубашки, Алевтина Сергеевна с первого раза собрала двустволку, хотя не делала этого лет

¹ «Мурка» — МР-153 — российское самозарядное гладкоствольное ружье, в народе называемое «мурка», применяется для различных видов охоты, спортивной стрельбы, охраны правопорядка и самообороны (здесь и далее прим. ред.).

двадцать. Руки все еще ходили ходуном, а голова прокручивала смертельную ситуацию из сна, но Алевтина Сергеевна с ружьем уже спустилась вниз, на кухню. Растворила скрипучие створки старого пузатого буфета влезла туда с головой и из самого чрева вынула банку с чем-то, напоминающим маринованные стебли сельдерея. Выдвинула ящик со столовыми приборами, достала нож, перевернула посудину крышкой вниз и стала ловко отгибать закатанный край. Дрожь прошла, пришел кураж.

— Врете, голыми руками не возьмете! — бормотала Алевтина Сергеевна, переломив ружье и выживая из откупоренной банки самокрутные патроны.

Зарядив оба ствола, она защелкнула ружье, нырнула босыми ногами в короткие резиновые сапоги, распахнула дверь кухни и, лавируя между рассыпанной на веранде созревающей антоновкой, устремилась на крыльцо. Слегка расставив ноги, Алевтина Сергеевна сняла ружье с предохранителя, прижала приклад к плечу и, прицелившись в сидевшую на заборе ворону, нажала на спусковой крючок. Ружье кликнуло. Осечка. Алевтина Сергеевна резко нажала на второй спусковой крючок. Оглушительно громкий выстрел отразился от кирпичных стен соседских домов, стекла веранды задрожали, а от сильной отдачи в плечо Алевтина Сергеевна потеряла равновесие и больно приземлилась на ступеньку. Черный дым заволакивал обзор, в ушах звенело, как при срабатывании пожарной сигнализации. Правое плечо ломило. В голове гудело. Копчик ныл. Алевтина Сергеевна пошевелила пальцами зашибленной руки, потеряла поясницу. Подняла «мурку», закинула на левое плечо и зашагала по клубничным грядкам к рифленому металлическому забору. Убитая ворона лежала у кучно перфорированного дробью забора с раскрытым клювом, как будто подавившись своим криком.

— На кабана эти патроны готовил, — самой себе сказала Алевтина Сергеевна. — Надо было другую банку вскрывать.

Алевтина Сергеевна приставила ружье к забору, вытащила из кармана халата моток мягкой проволоки, взяла ворону за крыло и примотала к верхнему краю забора. Повисла грубовая тишина. Не то что ворон, воробьев и тех не было слышно.

Алевтина Сергеевна подняла ружье и походкой довольного трофеем охотника неспешно вернулась к дому.

Она мыла руки у крыльца, когда в кармане забулькал телефон. Наскоро вытерев руку о халат, Алевтина Сергеевна извлекла из кармана кнопочную «Нокию», и, не глядя, забросила ее к уху, прижав плечом.

— Слушаю, — строго сказала она в трубку.

Из телефона донесся истеричный голос дочери:

— Мама, ты что творишь?!

— Во-первых, Шура, доброе утро. Во-вторых: ты о чем?

— Ты только что стреляла из ружья на территории поселка и подвергала риску жизни соседей!

Алевтина Сергеевна быстро обвела взглядом соседские окна. Во втором этаже у Золотаревых дернулась занавеска. Шпионы, сволочи! Алевтина решила уйти в несознанку.

— Кто тебе сказал такую глупость?! — возмутилась она в трубку.

— Мария Николаевна прислала фотографию из поселкового чата. Золотарев тебя зафиксировал с ружьем. Халат твой полосатый и сапоги зеленые. А выстрел все слышали. Они в полицию звонить собираются! Откуда у тебя ружье?

Отпираться дальше было бессмысленно.

— Отец твой из Сибири привез в восьмидесятом, — сообщила Алевтина Сергеевна.

— И что, оно до сих пор стреляет?!

— По крайней мере, некоторые так считают.

— Петя сейчас выезжает за тобой. Через пятнадцать минут будь готова!

— К чему?

— К эвакуации, мама! Или ты хочешь объясняться с полицией?!

— И что, ты спрячешь меня в вашем бронированном подвале? — с издевкой спросила Алевтина Сергеевна.

— Нет, мама. Ты домой поедешь, в Москву, вместе с ружьем.

— Я малину еще не проредила.

— Хочешь посидеть в обезьяннике с проститутками, пока мы будем собирать деньги на залог? Ружье же не зарегистрировано!

Крыть Алевтине Сергеевне было нечем. В обезьянник ей не хотелось. «Сон оказался пророческим», — подумала она и быстро перехватила у дочери инициативу.

— Скажи Пете, чтобы подъезжал к задней калитке, которая в лес. От Золотаревых она не видна. Я мигом!

И, цапнув стоявшую у крыльца Мурку, Алевтина Сергеевна прохромала в мансарду, охая переделалась в брюки и свитер, разобрала и сложила в чехол ружье. Поместила компромат в огромную корзину, которую она использовала для сбора соснового лапника. Туда же положила банки с патронами и свою сумочку, прикрывла брутальный натюрморт мешком изпод сахара, заперла дверь висящим на шее ключом, взяла у крыльца палку и направилась к задней калитке — вроде как в лес по грибы.

Джип зятя уже стоял за кустами шиповника, приглушенно урча. Алевтина Сергеевна бросила палку под куст, открыла заднюю дверцу, втокнула корзину, залезла сама и скомандовала взъерошенному затылку зятя:

— Едем!

Петр в изумлении обернулся назад:

— Куда? Ваша дочь сказала — в Москву вас срочно отвезти надо. А вы с корзиной.

— Это конспирация, Петя, конспирация!

— С вами, дорогая теща, не соскучишься. Что это вам вдруг приспичило? Я даже побриться не успел, — и он потер белесую щетину.

— Мне приспичило?! Это все жена твоя заполошная. «Уезжай срочно! Они тебя посадят!» Посадят! Это я их всех, воров, пересажаю!

— Я не понял: а зачем нужно было сзади подъезжать? Тут одни колдобины...

— Оно, Петя, и спереди были одни колдобины, пока я им дорогу не организовала. И мало того что не заплатили за мой труд, так теперь еще и измываются!

— Над вами?!

— Ну, не над тобой же! Ты сидишь в своем компьютере и жизни в упор не видишь!

Лицо Петра отразилось в зеркале заднего вида.

— Так расскажите мне про жизнь! — привычно поддел Алевтину Сергеевну Петр.

— Зря ты ерничаешь, Петя! — вскинулась Алевтина Сергеевна. — Ой зря! Вот возьмут тебя за жабры...

— За какие провинности? — поинтересовался Петр.

— Они найдут, — заверила зятя Алевтина Сергеевна. — В нашей стране невиновных нет. Особенно среди предпринимателей.

— Я, Алевтина Сергеевна, не предприниматель. Я изобретатель.

— Это ты следователю будешь рассказывать, — отмахнулась Алевтина Сергеевна. — Раз извлекаешь доход из своих изобретений — значит, предприниматель. И добро бы ты на благо Родины работал, что, конечно, не приведи господи, они и без твоих изобретений из-за каждого угла за нами следят и из каждого утюга подслушивают, так ты же все свои изобретения на Запад гонишь!

— А что делать, если Родине нравится закупать мои изобретения из-за бугра? — Задетый за живое Петр развернулся к теще вполоборота, выставив вперед ощетинившийся подбородок.

— Не вертись, Петя! За дорогой смотри. Вот сейчас яма будет.

— Слушайте, теща! Еще одно слово — и поедете в Москву на автобусе!

Алевтина Сергеевна поняла, что зять не в духе, и замолчала. Они вывернули на асфальт, машина пошла ровно, почти бесшумно. Конечно! Она лично проверяла каждый метр этой дороги от трассы к поселку. Алевтина Сергеевна как представитель заказчика такую госприемку дорожной компании устроила, что у прораба Гургена тремор случился. Она пересчитала каждый кубометр песка и щебенки, каждый мешок асфальта — все до последнего ограничительного столбика. Дневала и ночевала на стройке. А как же иначе, деньги-то общественные. И вознаграждение себе она в смету заложила, по согласованию с товариществом: двести тысяч за сдачу под ключ. Дорога-то вот она, а где ее деньги? Правление эти деньги на новую водонапорную башню потратило, потому

что башня нужна была срочно, сезон, полив, а старая взяла и обвалилась. А то, что крыша у ее дома течет и венцы стропил все в грибок, кого волнует? Так и заиграли ее гонорар...

Они уже почти подъехали к трассе, когда услышали полицейскую сирену. Навстречу им двигался полицейский «Форд».

— По вашу душу, наверное, дорогая теща! — засмеялся Петр и посмотрел в зеркало заднего вида, но тещи на месте не было. Петр резко нажал на тормоз.

— Алевтина Сергеевна, вы где? — растерянно спросил он.

— Не тормози, Петя! — послышался приглушенный голос откуда-то из-под сиденья. — И не оборачивайся. Езжай себе спокойно. Я так, отдохнуть прилегла.

Стоя между мусорными контейнерами под растопырившей крылья вороной, Пал Палыч Золотарев размахивал руками, тряс животом и брызгал слюной. Венчик серебристого пушка, окаймлявший внушительного размера череп, контрастировал с почти багровым безволосым центром.

— На каком основании вы отказываетесь принимать у меня заявление, лейтенант? — кричал он.

— На основании отсутствия оснований, — отвечал нагловатый участковый.

— Вы ворону видите? — напирал Золотарев, тыча в сторону дохлой птицы скатанным в трубочку листом бумаги.

— Вижу. Ворона — не основание, — ровно и без эмоций отвечал участковый.

— Вы возьмите ее на экспертизу и найдете в ней дробь! — кипятился Пал Палыч.

— Дробь — не основание. Может, эту ворону гражданке Синицыной в забор воткнули вы. На почве личной неприязни, — и участковый испытующе уставился на Золотарева.

— Вот фотография! — и Пал Палыч ткнул пальцем в телефон.

— И фотография не основание. На ней женщина не стреляет.

— Но она ходит по участку с ружьем!

— Законом не возбраняется, — парировал участковый.

— Но вы должны ее хотя бы опросить!

— Не имею такой возможности. Гражданка Сеницына на принадлежащем ей участке в данное время отсутствует.

— Она по грибы пошла. Я лично видел, как она с корзиной шкондыбала к задней калитке.

— С ружьем?

— Нет, без ружья.

— Да я смотрю, вы плотное наблюдение за Сеницыной установили.

— Наблюдение?! Да я не за Сеницыной, я за контейнерами слежу. Чтобы строительный мусор туда не сваливали. А Сеницына в поле зрения сама попадает.

— Вы вывозом мусора лучше бы озаботились. Я вот санитарному инспектору шепну — пусть придет, посмотрит...

— Да уверяю вас, вывозим регулярно, — залебезил Пал Палыч, смахивая ладонью выстуживший на лысине пот. — Но эти чертовы вороны! Их целая стая! И каждое утро пакеты рвут и швыряют, рвут и швыряют.

На лице участкового появилась язвительная ухмылка.

— То есть правление сэкономило на контейнерах с крышками? И при этом устроило мусорку у забора гражданки Сеницыной? И провоцировало ее на войну с воронами? То есть вы, председатель этого правления, — подстрекатель? Так получается?

— Вы что, не понимаете? Она сумасшедшая! Она нас всех тут перестреляет! — взвизгнул загнанный в угол Пал Палыч.

— Вот тогда и появится основание для возбуждения дела, — заверил участковый.

— Какой цинизм! — взорвался Пал Палыч. — Я на вас в управление напишу!

— Пишите! Это ваше гражданское право. А я напишу рапорт о ложном вызове. И вас оштрафуют, — и полицейский потянулся к висевшему через плечо планшету.

— Почему ложном? — ошарашен Пал Палыч. — Весь поселок слышал выстрел!

— Но никто не видел — кто стрелял, — напомнил участковый. — Вы что заявили, когда звонили в отделение? Что в поселке стреляют! Я думал, тут соседская ссора за разделительную межу или вштырился кто и с призраками сражается.

А у меня утопленник на берегу озера. Рыбаки на зорьке выловили. Я бросаю утопленника, мчусь сюда, а вы мне дохлой вороной в нос тычете.

— Да нет... Что вы, товарищ... господин лейтенант, я без злого умысла звонил. Чисто из профилактических соображений. Вы извините меня, если что не так. Я искренне раскаиваюсь. А с мусором мы все решим. И крышки установим, и ворон изведем. Заверяю вас. Не надо тревожить инспектора, — и Золотарев засунул скрученное заявление, которое все еще держал в руке, в карман мешковатых спортивных штанов. — А позвольте угостить вас чаем. У меня в этом году восхитительное вишневое варенье. А какая наливка из сливы, у-у-у! На гвоздике. С корицей. Аромат умопомрачительный! А вкус какой!

Участковый сглотнул слюну и с сожалением вздохнул:

— Не выйдет. Утопленник меня дожидается.

— Так давайте я вам с собой заверну, — засуетился Пал Палыч. — Утопленника оприходуете, а потом чайку попьете. С наливочкой.

И он достал из кармана желтую рацию, откашлялся и произнес в нее мурлыкающим голосом:

— Галя, я с нашим участковым беседую тут, у мусорок. Будь любезна, принеси бутылочку наливки твоей фирменной, баночку варенья вишневого и пирожков не забудь. Только нужно очень спешно, лейтенант торопится.

Через пять минут с подпертого псевдоримскими колоннами крыльца дома Золотаревых спорхнула улыбчивая Галя. Золотарев и участковый уже мирно беседовали о катастрофических неудачах российской сборной по футболу и в унисон крыли матом спортивных чиновников. Участковый, не прерывая разговора с Пал Палычем и не глядя на Галю, протянул руку за спину, открыл заднюю дверь «Форда» и легким кивком указал внутрь. Галя наклонилась к машине, аккуратно положила пакет под сиденье и, по-прежнему улыбаясь, отступила в тень, отбрасываемую могучей липой в осеннем золотом уборе. Золотарев пожал участковому руку, тот сел в машину, закрыл дверь, завел мотор и, резко нажав на педаль, с визгом рванул с места, оставив Золотаревых вдыхать отра-

ботанные газы. Пал Палыч дождался, когда машина скрылась из виду, а супруга исчезла за дверью дома, достал телефон и позвонил.

— Алло! — строгим начальственным тоном сказал он в трубку. — Костян, ты? Чем занят? Обрезкой, что ли? Как закончишь, загляни ко мне в вагончик. Дельце тут для тебя есть интимного свойства. За хорошие деньги. Только, слышь, никому ни слова. Усек? Ну, молодца! Ты понятливый. И не болтун. За что и ценю.

Сунул телефон в карман брюк и поспешил в дом: кушать остывающие пирожки.

Глава 2

Тамбур между входной дверью и металлоискателем на входе в здание районного суда был узеньким и тесным. Дверь то и дело скрипуче открывалась, жалуясь на свою хроническую несмазанность, со свистом и треском впуская и выпуская людей. Когда входило больше трех человек, дверь оставалась открытой — и сквозняк, устремлявшийся в просторный холл с искусственными пальмами в кадках, рвал из рук посетитель листочки повесток и тербил страницы в журнале регистрации у постовых. После того как полчаса назад перед постовыми обозначилась Алевтина Сергеевна, она полностью узурпировала внимание старшего по посту — седовласого дедка с натруженными руками огородника в паутине мелких черных трещинок.

— Я вам в десятый раз объясняю, — кипятилась Алевтина Сергеевна. — Мне приходило извещение о повестке, но по месту прописки в Москве, а я была на даче, понимаете? И повестка ушла обратно.

— Вот езжайте домой и ждите новую, — в десятый раз отвечал ей старший по посту. — Получите и приезжайте в назначенное время.

— Легко сказать — езжайте и ждите. Мне до дому час электричкой, а потом метро и троллейбус.

— Ну а мы-то что можем сделать? — риторически поинтересовался постовой.

— Пустить! — нашлась Алевтина Сергеевна.

— Женщина, я вам в десятый раз говорю: не положено! Нам потом навтыкают. Давайте выходите! Вы нам работать мешаете.

— Не выйду, — твердо сказала Алевтина Сергеевна.

— Сейчас позову дежурных — выведут, — пригрозил дедок.

Алевтина Сергеевна вспомнила, что в прошлое воскресенье она чуть не вляпалась в конфликт с законом, и сочла за лучшее отступить.

— Что же, по-вашему, мне сидеть дома как псу на привязи, у почтового ящика караулить? — разворачивая сумку на колесиках ручкой к двери, вздохнула Алевтина Сергеевна.

— Ну, раз вам приспичило судиться — сидите и ждите, — отрезал старший по посту.

— Не могу. У меня малина еще не прорежена.

— Что это вы так припозднились? — заинтересовался дед. — Я вот еще в августе проредил.

— У меня ремонтантная.

— Я ремонтантную извел. Кислая.

— У вас, значит, сорт не тот, — авторитетно заявила Алевтина Сергеевна. — Машина у вас есть?

— Ну, допустим, — осторожно ответил старший по посту. — А что?

— Освободитесь — заезжайте ко мне в Дубки, я вам хорошей накопаю, сладкой.

— Я на сутках. Завтра только освобожусь.

— Так я буду там до четверга. Потом поеду в Москву, повестку караулить.

— А чего вы туда-сюда ездите? Интернета, что ли, нет? — поинтересовался дедок.

— Зачем бы он мне?

— Как зачем? Чтобы повестку не караулить. Зашли на сайт, ввели номер дела — и тут же узнали: назначили не назначили, во сколько и куда. Сами если не можете — соседей попросите.

— С соседями я сужусь... — Алевтина Сергеевна безнадежно махнула рукой.

— Ну, детей там, внуков подгрузите.

— Моих внуков подгрузишь! — горько произнесла Алевтина Сергеевна. — Где сядешь — там и слезешь.

— Ну, значит, самой интернет надо освоить. Вы вроде женщина интеллигентная, с высшим, поди, образованием. Так я тогда подъеду за малиной. Какой у вас участок-то?

— Первый. Заезжайте, — и Алевтина Сергеевна распахнула визгливую дверь.

— Завтра заскочу, — пообещал старший поста. — Вы уж на нас зла не держите, что не впустили. Мы люди подневольные. У нас — инструкция, — извинился он.

Но его последние слова потонули в дверном визге и остались в тамбуре. А Алевтина Сергеевна, захваченная водоворотом собственных мыслей, уже спешила к автобусной остановке.

А внуки, конечно, могли бы по ее просьбе сходить на сайт, но ведь они тут же настучат матери про то, что бабушка с кем-то судится. И даже скажут с кем. И начнет Шурка причитать. А эти ее причитания уже аллергию вызывают. Вечно Шурке страшно. Ей даже родиться было страшно, акушерке пришлось ее на свет полотенцем выдавливать. И в кого она такая? Не в мать, не в отца, не в проезжего молодца... И чуть что — к отцу под защиту. А тот и рад стараться — деточку от матери оборонять.

Да, дура она, Алевтина, всю жизнь мужу верность хранила. А он-то, оказывается... Да... Кто бы мог подумать... Всю их совместную жизнь жену друга... как это теперь называется... хотел... И дохотел-таки. На старости лет, позорник. Друг Коля ему подыграл: от сердечного приступа в пятьдесят семь скоптылся. А ее Лева зачестил вдове помогать по хозяйству, а Алевтина ему — езжай, конечно, святое дело, а он раз поехал и не вернулся. Даже за вещами. Белье и то не забрал... Позволил и сказал: «Прости, Аля, но я останусь у Кати. Я ее всегда любил. Просто Коля опередил меня тогда, на танцах». И трубку положил. А она стояла у кованого столика в коридоре и все слушала пи-пи-пи неизвестно сколько, а потом подумала: хорошо, что дочь уже замуж выдали и что с работы она успела уволиться — и не надо в глаза смотреть ни родственникам на свадьбе, ни сослуживцам на работе, сгорать от стыда и слышать хохоток за спиной, что Синицына теперь брошенка.